

Р ъ Ч И,

произнесенныя

въ торжественномъ собраніи

РИЦЕЛЬСВСКАГО ЛИЦЕЯ

22 Іюня 1840 года.

ОДЕССА.

въ городской типографіи.

==
1840.

Одобрена къ печатанію Совѣтомъ Ришельевскаго Лицея. 24 Мая, 1840 года.

Секретарь Федоръ Кленовъ.

PAULI BECKERI,

PH. DR. LITT. LATT. PROFESSORIS,

ORATIO

DE CAUSSIS QUIBUSDAM, CUR IN RUSSIA LITTERAE LATINAE ORDINI
JURIS STUDIOCORUM NECESSARIAE SINT,

HABITA

IN LYCEO, QUOD ODESSAE CONSTITUTUM EST,

d. XX. Jun. MDCCCXL.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. Мечникова

Quamquam ego profecto non ignoro, ab iis, qui coram solemnibus sum-
morum virorum conventu dicendi causa in hunc locum procedunt, ora-
tionem plerumque expectari, quae oratoris doctrinam, eruditionem, acumen
confirmet, tamen orationibus, quae in rebus domesticis versentur, et facilius
benevolentiam auditorum captari, et certius severitatem iudicum leniri posse
animadverti. Quod utrumque cum ab omnibus, quibus provincia publice
loquendi obvenit, haud negligendum esse videatur, tum me, in omnibus
indulgentia vestra indigentem, maxime impulit, ut rem a Lyceo nostro non
alienam orationis a me habendae argumento esse voluerim. Dicere enim
constitui *de causis quibusdam, cur in Russia litterae Latinae ordini juris
studiosorum necessariae sint.* In qua re illustranda, si minus ingenii
acumen et doctrinae ubertatem vel elegantiam Vobis probavero, tamen
in magno lucro ponam, si Vos in studiis, quae ductu auspiciisque meis
in hoc Lyceo colantur, haud parum utilitatis inesse judicaveritis.

Sed, antequam ad ipsum argumentum accedamus, paucis, Viri amplissimi
Vosque Auditores ornatissimi, controversiam attingere placet, quae, jam
dudum excitata, per plures annos fota, et ultimo tempore denuo erupta,
animos virorum doctorum sollicitat atque vexat. Gravissimae enim crimina-
tiones in eam studiorum partem conjectae sunt, quae more majorum, con-
suetudine patrum fundamentum erant puerilis educationis, atque omnium
efficacissima habebantur, quibus ad vitam politiore formarentur animi
juveniles. Et cui mirum videri potest, quod ante aliquot saecula disciplina
puerilis juvenilisque maxime continebatur librorum veterum, Graecorum
Latinorumque, interpretatione? Nam cum per horum lectionem aditus

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУМІЯ МЕННИКОВА

hominibus factus esset ad sapientiam et ad bene dicendi ac scribendi intelligentiam atque facultatem, fugit barbaries, quae animos hominum oppressos tenuerat, fugit superstitio, quae mentem humanam per longa saecula vinculis adstrinxerat, fugerunt multae ac maximae doctrinae atque vitae humanae corruptelae, quibus antea nemo mederi potuerat. Quae rerum commutatio, cum recte sentiretur, a qua re ea exordium duxisset, multis viris etiam atque etiam persuasit, ut ingeniorum sollertiam prae ceteris converterent in litteras Graecas Latinasque accuratissime cognoscendas. Neque ea studiorum assiduitas fructum non tulit. In singulis disciplinis, quae ad humanitatem pertinent, libri veteres, in auxilium vocati, tam laetam segetem protulerunt, ut in puerili iuvenilique educatione litteris utriusque populi locus praecipuus concederetur. Atque hanc eae auctoritatem ad nostram aetatem sustinuerunt, qua exorti sunt, qui studiorum rationem, ex qua adolescentes in ludis litterariis maxime disciplina antiquitatis exerceantur, non modo taciti improbarent, verum etiam scriptis in publicum emissis acerbè reprehenderent, graviterque accusarent. Quod quo facilius ferendum fuit in hominibus indoctis, qui sua de studiis adolescentium existimatione ad mutandam educationem nihil fere valerent, eo gravius nunc visum est, cum qui sibi censorum personam auctoritatemque assumpserunt, sese doctos profiteantur, et rei scholasticae peritissimos. Num ea vero, quae proferunt, ejusmodi sunt, ut iis nullo modo repugnari possit? Minime. Neque defuerunt viri, qui vana adversariorum argumenta doctissimis disputationibus refellerent, et antiquitatis disciplinae in omne tempus eandem, quam ea antea in ludis litterariis occupasset, dignitatem conservare studerent. Ex qua contentione tam iniqua atque rei scholasticae, quae per tot saecula obtinuerat, periculum intentanti, plenamque immutationem minitanti, viri illi eo facilius victores exierunt, quod antiquitatis vindicias non ita susceperunt, ut ex educatione puerili iuvenilique omnes alias artes exulare vellent; imo ipsi fatebantur, esse iudicii nec sani neque recti, unice delectari antiquis, ipsi monebant, quae temporis, vitae, moribus nostris propinquiora videantur, ea

nec temere aspernari neque rejicere oportere, et disputationibus nihil aliud probare volebant nisi in studiis adolescentulorum antiquitatis disciplinae deberi locum primum. Annis vero adversariorum ita pacatis, et litterarum antiquarum studio in veterem dignitatem restituto, novissimo tempore aliud opprobrio verterunt rei scholasticae. Fuerunt enim, qui rationem Gymnasiorum a recta educandi via plane aberrare contenderent, cum in iis ad stylum Latinum recte accurateque excolendum nimium temporis converteretur. Voluerunt igitur, ut a more illo inveterato Latine scribendi atque loquendi abstinere, ut tempus, quod exercitiis Latinis conteri soleat, in linguam vernaculam magis magisque perpoliendam impendatur, et ut ea potius doceantur, quae ad vitam vel privatam vel publicam bene beateque degendam haud dubios afferant fructus. Quae voces primum in Germania exortae, deinde in Anglia renovatae, argumenti novitate virorum doctorum animos commovere non poterant; quid enim in novis illis criminationibus inest, quod non ex veteribus in eas irrepsisse dicatur? Alterum quidem, quo aliorum studiorum detrimento stylus Latinus in ludis litterariis coli declaratur, pertinet certe ad veterem istam insimulationem, atque ea a viris doctis refutata est tam validis argumentis, ut homines, qui in controversia, a se denuo excitata, adversariorum rationem nullam habuerint, iudicium parum accuratum ferre posse videantur. Quod vero alterum attinet, quo studium Latine scribendi loquendique linguae vernaculae neglectionem contemptumque afferre contenditur, id a viris, quibus ob insignem eruditionem in hac lite summa auctoritas concedenda est, coram praesentibus potius redargutum, quam publice improbatum est. Quid ita? criminatio ista iis levior esse videtur, quam ut ea cuiquam, penes quem iudicium est, possit probari. Et recte quidem. Quis enim negare audebit, multum sane a recta ratione recedere, si qui prae studio Latini sermonis linguae patriae facultatem non excolunt? At cur nulla potest esse linguae vernaculae cum Latina conjunctio? Num altera alteri non modo non succurrit, verum etiam damno est atque impedimento? Perfecto ita sese res non habet; imo studium styli

Latini, cui in ludis litterariis multum temporis et operae dari solet, nobis plane aliud efficere videtur atque eidem ab antiquitatis calumniatoribus exprobratur. Nam lingua Latina, cum fixa sit atque immutabilis, et certis regulis ac praeceptionibus contineatur, exemplum esto sermoni patrio, qui continuo agitur, nihil certum habet, nihil stabile, et ne unum quidem saeculum eodem vultu durare potest. Eadem vero profecto est jus et norma loquendi, si acumen juvenum, quorum animos doctorum virorum praecepta ad linguae Latinae subtilitatem elegantiamque adverterunt, ita acuitur, ut quae in hac didicerint, in linguam vernaculam quodammodo transferant. Ipsi jam ab initio intelligent, in utraque lingua permulta plane diversa esse, alia similia, alia eadem; ipsi in loquendo scribendoque novas leges sibi imponent; ipsi denique linguae patriae indolem multo accuratius cognoscent. At num res tam laeti successus ab eo expectari potest, qui in sola veterum scriptorum lectione acquiescit? Non credo, hoc jam sufficere. Consuetudine opus est multo familiari, eaque jungetur, si nos ipsi Latine scribere et loqui inceperimus, atque a studio tam difficili non destiterimus, priusquam animos nostros ad scriptorum Romanorum normam plane excoluerimus. Quod si nobis feliciter cesserit, non modo habebimus, quo alteram linguam cum altera accuratius comparare, et singula in utraque certius discernere possimus, verum etiam aliud, quod hac nostra aetate magni aestimandum est, inde nobis paratur emolumentum. Quid enim in dictis scriptisque, quae nostro tempore emittuntur, animos aequorum judicum gravius commovent? Multa in iis saepe offensionis sunt: obscuritas orationis, turba inanium vocabulorum, sonitus magnificorum verborum, tumor sermonis in rebus simplicissimis, et ostentatio ista, qua scriptores nostrae aetatis a grege distingui volunt. Qui errores, hodie pervulgati, nonne in primis apud eos occurrunt, qui, spreta antiquitate, neglectoque more majorum, ab exercitatione Latine scribendi ac loquendi plane abstinerunt? Etenim certum est, stylo Latino, quo singulas sententias ad veteris linguae indolem naturamque accommodare doceamur, quam maxime adjuvari perspicuitatem sermonis patrii, cum

ea sola in linguam illam transferri posse videantur, quae animo accuratius agitata atque mente planius concepta sint. Perspicuitati vero, qua in Latine scribendo loquendoque opus est, adolescentes ita adsuescunt, ut eam tamquam primam boni styli conditionem in patrio sermone quoque praecipue spectare, atque omni alii rei anteponeere cogantur.

Quae quum ita sint, tantum abest, ut accuratiorem linguae Latinae cognitionem nostra aetate supervacaneam habeamus, ut, quantum in nobis situm sit, eam omni juventuti pernecessariam esse declarem. Sed hujus loci non est de utilitate agere, qua qui studio litterarum Romanarum operam dant, in universum fruuntur; de ea re a viris doctis saepius jam dictum est, et ita dictum est, ut profecto nesciamus, quid a nobis in commendationem earum adjici potuerit. Cum vero laudes illae ad omnes studiorum disciplinas pertineant, quibus aetas juvenilis ad humanitatem informari solet, operae pretium est videre, quem proprium fructum ex litteris Latinis percipiat jurisprudentia Russica. Ac ne oratio nostra statim a re proposita aberrare videatur, neve in confusionis vel perturbationis crimen incurrat, praemonere oportet, litteras Latinas cum accuratiore juris Romani studio tam arte conjunctas esse, ut alterum ab altero non possit separari. Pendet igitur, si quid videmus, universae rei judicium maxime ex eo, ut necessitas juris Romani, quod sine subtiliore litterarum Latinarum studio recte cognosci posse negamus, patriae nostrae omnino vindicetur. Itaque primum probare studebimus, quid sit, quod peritia juris illius tam necessaria videatur jurisconsultis Russicis, deinde cur ea non impetranda sit nisi accuratiore litterarum Latinarum cognitione.

Jam explicandum est, cur jus Romanum omni tempore apud omnes fere populos plurimum valuerit, et cur apud multos ad nostram usque aetatem vigeat ac floreat. Nonne caussa tantae auctoritatis in ipso jure illo quaerenda est, quod, nec contentum codice legum, qui corpus juris nominatur, nec profectum ex libidine Imperatoris Justiniani, qui leges in corpus redigi curavit, memoriam amplius mille annorum comprehendit, et cum historia

populi et imperii Romani tam arcte cohaeret, ut verissima utriusque imago inde reluceat. Omnis homo igitur, qui non omnino alienus est a sensu historiae, non concedet, ut de re tanti ponderis contemptim judicetur. Nam si Graeci et Romani de ingenii principatu inter se contendant, et ambiguum fortasse videri possit, ad quos palma deferatur, omnes tamen ita statuunt, ut in reipublicae constitutione, qualis pendeat a legum praestantia, longissime Graecos superari a Romanis dicant. Quid enim aliud exstat, quod vi ac subtilitate cum Romanorum jurisconsultorum scriptis comparari possit; tantum in iis inest nervi, tantum profunditatis, tantum acuminis atque sapientiae, quantum in alia re nulla. Est hoc vero jus non unius civitatis aut provinciae, sed generis humani et totius orbis terrarum, jus non ex capite unius hominis excussum, sed ex prisca multorum saeculorum sapientia conflatum, denique jus non paucorum annorum, sed omnium temporum. Cuinam enim debemus sublatam tot populorum barbariem? juri Romano. Cui rerum civilium principia ac fundamenta? juri Romano. Quid plurimum valuit ad consociandas omnium populorum voluntates? jus Romanum. Unde legum nostrarum origines maxima parte repetuntur? a jure Romano. Ubinam juris non modo primordia, sed summa paene perfectio et praestantia quaerenda? in jure Romano. Quodsi igitur aliquis in jurisprudentia ita versari voluerit, ut viri docti nomine non indignus videatur, is profecto necesse est illius cognitione haud mediocriter imbutus sit. Nam, ne loquar de populis, apud quos jus illud vel hodie exercetur, accuratior juris Romani scientia expostulanda esse videtur ab omni jurisconsulto doctiore. Quid ita? Nusquam certe, quam in jurisprudentia Romana subtilius adumbrantur civium negotia, personarum gradus, rerum divisiones, nusquam perspicuius distinguuntur crimina publica a privatis, caussae graviores a levioribus, nusquam denique clarius apparent cetera, quae humanam societatem vel laedere vel tueri possint. Quid igitur jurisconsulto, etsi ipse nullas caussas judicat ex jure Romano, poterit esse utilius, quam si patriae jurisdictionis praecepta argumentis firmaverit ex jure Romano petitis? Nonne, si hac luce tam

splendida caussas difficiliore collustraverit, tenebras dispellet, quibus singula offusa sint atque involuta? Profecto enim acuetur ingenium cujusque, qui in judicandis rebus gravioribus similitudinem quandam sive, ut ita dicam, analogiam quaesiverit ex praeceptis, nobis a jure Romano suppeditatis. Accedit porro, quod jus Romanum etiam apud populos, qui singulas caussas ex suo jure atque ex suis codicibus judicant, patriae jurisdictioni plerumque fundamentum factum est. Inde vero fieri solet, ut non nisi ope ac beneficio juris Romani alia melius intelligantur, alia accuratius confirmantur, alia denique rectius adhibeantur. Atque si haec omnia non tanta sunt, ut omnibus, qui jurisconsultorum nomine atque laude digni haberi velint, pleniorrem juris Romani cognitionem commendent, restat tamen ipsum populi Romani nomen, quo majus nihil in historia vetere inveniri potest. Quemadmodum autem a verae institutionis lege plane abhorret, ut in ludis litterariis prae patria historia, cui principem locum nemo facile concedere dubitaverit, exterorum populorum res prorsus negligantur, ita haud sani iudicii nobis ii esse videntur, qui, soli patrii juris studio dediti, tamquam inanem alienamque contemnant aliorum populorum jurisdictionem. Fieri quidem non potest, ut juvenes in magno disciplinarum ambitu, quibus ii in Academiis operam dant, omnium, qui unquam in terra habitaverint, populorum jus accuratissime cognoscant, at si in aliis sufficit cognitio levior, ea tamen plenissima sit necesse est in jure Romano, quippe quod, quantum aliud nullum, in primis contribuerit ad humanitatem promovendam, sibi quae ob tantum beneficium in generis humani historia summam auctoritatem vindicaverit. Itaque hominis docti atque eruditi laudem in eo positam esse putamus, ut ad jus Romanum, quod tantam vim habuisse intellexerit, haud parum impendat diligentiae atque assiduitatis.

At quaeri fortasse potest, quid fuerit, quod juri Romano, cum ipsum imperium Romanorum jam senio confectum esset, potestatem eam conciliaverit, qua illud sibi, ut Romani totum orbem terrarum antea subegerant, ita omnes fere populos tum denuo obnoxios reddiderit. Prosperrimus hujus

rei successus ipsa juris illius natura explicandus est. Nam si Imperatorum quidam florentissimo imperii Romani tempore, quod doctissimorum jurisconsultorum studiis conspicuum esset, leges Romanas colligi, easque eadem, qua Justinianus usus est, ratione in corpus redigi jussisset, collectio illa profecto quidem multo praestantior, multo uberius, multo accuratior facta fuisset, sed vix eandem, quam in codice Justiniano admiramur, potestatem in tot populorum animos esset adeptus. Quid ita? Tum enim jus Romanum tam laete florebat, tam peculiare erat populo Romano, et, si formam spectamus, tanta arte erat excultum, ut gentes novae a jure, quod ab indole moribusque earum omnino abhorruerit, certo abstinuissent. Quae res profecto aliter se habuit tempore Justiniani. Etenim, jam exhausta publica Romanorum vita, notiones universales ideaeque mente et cogitatione a singularibus rebus abstractae, quae novo codici fundamento fuerant, naturam juris Romani plane mutarunt. Atque hac ipsa mutatione opus erat, ut populi novi jus peregrinum, in quo omnia ex legibus universalibus ad certitudinem quandam redacta erant, tanquam rem ex omni parte absolutam reciperent, ac moribus suis adaptarent. Inerant enim in eodem permulta, quae non modo populo Romano apta viderentur, sed quae, cum in singulis ad naturam indolemque generis humani in universum spectatum esset, omnibus facile se commendarent.

Quodsi igitur ex iis, quae dicta sunt, intelligi potest, cur etiam apud populos, qui judicant res ex legibus vernaculis, in studium juris Romani ab adolescentibus aliquantum temporis impendatur, atque accuratior legum Romanarum cognitio a jurisconsultis doctioribus exigatur, clarius hac luce esse videtur, cur studium illud apud gentes, quae vel hodie jure Romano utuntur, in primis floreat, atque animos omnium, quicumque jurisprudentiae operam dant, praecipue occupet. Nam quemadmodum illi dicunt, se ex jure Romano aequitatis vim ac naturam decerpere, ut de patriis legibus rectius judicent, sic his fatendum est, patriae jurisdictionis eos prorsus esse expertes, quibus imperitia juris Romani possit exprobari.

Cum vero haec jam ejusmodi sint, ut omnibus populis studium juris Romani maxime commendent, atque peritiam illius haud inanem reddant, tum in imperio Russico inveniantur alia, quae eidem juri vel majorem comparent auctoritatem, jurisque Romani necessitatem imponant omnibus, qui operam navent jurisprudentiae Russicae. Satis quidem notum est, in patria nostra prae ceteris valere jus patrium, sed ex similitudine, quae intercedit inter imperium Romanum atque Russicum, cognationem utriusque probari posse putamus. Quid vero est, quod similitudinem illam admittat? Cernitur ea in tanta finium utriusque imperii propagatione, quanta nullo unquam tempore alius populus gloriari potuit, cernitur in amore patriae, quo Russos a Romanis haud superatos esse contendimus, cernitur in studiis singulorum, qui gloriam patriae et suis laboribus et suis periculis angere desiderant. Quae si fortuita sunt, habemus alia, quae cognationem certiorum reddant ac paene indubitam. Respecta enim simili Romanorum Russorumque origine, facile intelligitur, Auditores honoratissimi, cur natura indolesque utriusque populi haud levior exhibeat similitudinem. Nam cum utriusque civitatis origo a militibus strenuis repetenda sit, mirum esse non potest, quod majorum ingenium in utroque populo per omnia tempora etiam atque etiam recurrit. Inde proficiscitur fortitudo, qua Russi aemulantur Romanis, inde amor ille militaris, quo in utroque imperio maxima quaeque perpetrata sunt, inde denique aliae virtutes, quae ab indole militari non possunt separari. Quid multa? originis similitudo effecit in utroque populo aliquam similitudinem morum. Quod si ita est, nonne etiam conicere licet, cum leges singulorum populorum respondeant ipsis eorum moribus, parem cognationem exstare inter jus Romanum atque Russicum? Quae cognatio vel verisimilior eo redditur, quod antiquissimo tempore populum Russicum cum Graeco, apud quem jus Romanum floruisse satis constat, negotiorum commercio conjunctissimum fuisse, et plurima, quae ad animorum conformationem spectent, a Graecis mutuatum esse scimus. Atque verisimilitudo illa in certitudinem abire videtur, ex quo novissimis virorum doctorum investi-

gationibus probari coeptum est, jus Romanum jam ab antiquissimis inde temporibus irrepsisse in imperium Russicum, atque in multis, quae memoriae servata sint, perspicue agnoscitur illius vestigia. Quae juris peregrini potestas non modo in aetatem incidit, qua e Graecia doctrinam Christianam in Russiam propagatam esse constat, verum etiam tempori, quod Wladimirum Magnum praecessit, vindicanda esse videtur; nam ut pro certo habemus, jus Graeco-Romanum cum religione Christiana in Russia invaluisse, idemque, in collectiones canonum ecclesiae Graecae receptum, corpori juris canonici Russorum, quod Коричная Книга inscribitur, fundamento fuisse, ita nuper ingeniose demonstratum est, quantam jus Romanum vel ea aetate, qua Russi pagani essent, vim exercuerit in jus Russicum. Neque posterioribus temporibus jus Russorum plane abhorruit a jure Romano. Nam quamquam illud conflatum est ex edictis Imperatorum, quorum singuli juri patrio pro ingenii facultatibus consulerunt, certum tamen est, Imperatorum plurimos fuisse juri Romano, idemque suis legibus proposuisse instar exempli. Ita vero fit, ut juris Romani cognitio non inanis esse possit in jure Russico doctius interpretando. Profecto quidem nullus unquam populus tam plena patriarum legum collectione gloriatus est, quam quae jussu IMPERATORIS nostri Augustissimi in Russia confecta est. En praeclarum sane atque sapientiae plenum opus, in quo quis negat, maximum esse repositum veri cognoscendi praesidium, certissimum causas subtilissimas judicandi adjumentum? Sed de tam eximii operis laude nihil certe detrabere nobis videtur, si eandem, quam in plurimis admiramur, absolutionem perfectionemque in quibusdam desiderari fatemur. Quid enim in tam magno omnium rerum ambitu facilius fieri poterat, quam ut a legislatoribus patriis alia minus accurate exhiberentur, alia plane negligerentur? Quae quum ita sint, jurisconsulti Russici, cum in legibus patriis non inveniunt, qua ratione causae vel impeditiores, vel minus praevisae recte absolvantur, haud raro maximis difficultatibus circumveniantur necesse est. At difficultates illae certo expediuntur, si iidem iudices, non sufficiente jurisdictione patria, ad jus Romanum con-

fugere consueverint, ex quo jure, aut analogia quadam ducti, aut peculiari-
bus legibus admoniti, causas quam difficillimas saepenumero explicare poterunt. A consilio nostro quidem alienum est enumerare singula quaeque, in quibus ex jure Romano haud leve praesidium petendum sit, sed non possumus, quin commemoremus, jus Romanum subtilissime dignoscere causas incendii atque peculatus, idem in infanticidio accuratissime statuere de corpore delicti, atque acutissime discernere de crimine stupri violenti deque aliis multis, quae legibus Russicis nondum plane constituta sint.

At ne temerarie juri Romano tantam vim vindicasse videamur, operae pretium est examinare, quomodo IPSE IMPERATOR noster Clementissimus virique summi, quibus in Russia rei scholasticae cura demandata est, de accuratiori juris Romani studio statuerint. Quid? nonne in studiorum formula, juris studiosis praescripta, juri Romano locus assignatur praecipuus? Nonne in omnibus, quae in Russia florent, litterarum Universitatibus animi juveniles prae ceteris imbuuntur jure Romano, nonne iidem tum demum ad jus patrium admittuntur, cum sibi accuratam juris Romani cognitionem paraverint? Qui studiorum ordo, in Universitatibus Russicis jam pridem receptus, ultimo tempore in hoc Lyceo quoque adoptatus est, in quo jus Romanum jam altero, jus Russicum tertio studiorum anno pertractari jubetur. Num quid in hac studiorum descriptione fortuito factum est? Minime; inest in ea tantum consilii sapientiaeque, quantum modo a summis viris, qui in patriae salutem patrias Academias institui voluerunt, expectari potuit. Quid enim evidentius probat, jus Romanum fundamentum haberi juris Russici? Quod si ita non esset, in Russiae Academiis alius haud dubie observaretur studiorum ordo.

Quum igitur clarissime appareat, Auditores amplissimi, quanta ex sapientissimorum virorum judicio cernatur vis et praestantia in studio juris Romani, siquidem per illud unum vel via munitur ad cognoscendam juris Russici naturam indolemque, vel interioris et subtilioris doctrinae fundamenta jaciuntur, haudquaquam nobis videtur errare, contententes, a juve-

nibus Russicis, absoluto in patriis Universitatibus jurisprudentiae cursu, eo consilio in primis peti Berolinum, ut praestantissimorum professorum auspiciis singularem operam navent studio juris Romani. Quam litterarum sedem quum omnes fere sibi eligant, tum praecipue ii, quibus studia sua impensis publicis apud externos populos continuare contigit. Neque negamus, Berolinum prae ceteris Germaniae Universitatibus excellere summa eruditissimorum virorum copia, ibique in singulis litterarum disciplinis inveniri professores eximios, sed hoc non ita est, ut reliquae Germanorum Universitates ingenio, doctrina, eruditione aliisque virtutibus orbatæ videantur; imo vel minimæ, quoniam in singulis quaedam litterarum disciplinae praecipue coluntur, laudem haud mediocrem sibi pararunt. Itaque fieri solet, ut hae a medicis, illae a philologis, aliae ab aliis adeantur. Quid vero est, quod juris studiosis in tanta Universitatum multitudine in primis commendet Berolinum? Nonne eos allectat studium juris Romani, quod Berolini nactum est propugnatores acerrimos? Haec profecto causa est, cur ex omnibus terrae regionibus illuc confluant juvenes, accuratiori juris cognitioni operam daturi. Quod cum viri, quibus in imperio nostro populi cultura litterarumque progressus cordi sunt, rectissime intellexissent, assidue curarunt, ut jurisconsultis Russicis Berolinum quam maxime commendaretur. Sapientissime enim senserunt, juri Russico ex plena juris Romani cognitione praesidium parari validissimum.

Quod si jam ejusmodi est, ut inde facile cognoscatur, quantum viri illi potestatem in jure Romano inesse judicaverint, omnium tamen est gravissimum, quod lege peculiari praescribitur, ut omnes, quicumque se ordini jurisconsultorum examinandos offerunt, ornati sint accuratiori juris Romani cognitione. Num opus est lege nisi in re necessaria? an quidquam de jure Romano monitum esset, nisi illius ope et beneficio juvaretur jus Russicum? Profecto nihil. Etsi vero jus Romanum saeculo fere abhinc in Russia tractari coeptum est, ac statim ab initio jam multis patuit, quantum inde emolumentum juri patrio oriri posset, tamen accidit, ut juvenes, studii molestia

deterriti, rem difficiliorem ne primoribus quidem labris attingerent. Quod quum a viris, penes quos in causa tam gravi summum judicium est, aegre animadverteretur, opera data est, ut nova lege singulis imponeretur necessitas jus Romanum plenius cognoscendi. Nec frustra expectabantur fructus legis saluberrimæ. In singulis enim Universitatibus exstiterunt homines, qui et verbis et scriptis novam vitam excitarent juri intermortuo, ac studiis suis efficerent, ut jurisconsultorum ordo in Russia fieret eruditior. Jamjam juvenes, qui eorum auspiciis juri Romano operam navaverant, universae patriae maximo ornamento esse coeperunt, iidemque, quasi in aliorum exemplum ad summos honores evecti, omnibusque laudibus ornati, accenderunt communem studiosae juventutis aemulationem. Mox surrexerunt alii, qui, lectis priorum vestigiis, multum operae converterunt in studium juris Romani, et nostro tempore non modo in omnibus Russiæ Universitatibus, verum etiam in Schola juris studiosorum, quae Petropoli floret, et in Lyceo nostro animi adolescentium imbuuntur haud mediocri juris Romani cognitione.

His igitur praemissis, denique oritur quaestio, quænam inter litteras Latinas jusque Romanum intercedat conjunctio, et quid sit, quod juris Romani studium non nisi præcipua Romanorum litterarum scientia laetius florere possit. Qua in re opportune profecto accidit, quod eadem illae litterae antiquitatis, quas juventuti plane necessarias esse centendimus, non parvi aestimantur in jure Romano. Nam quum inter omnes constat, maximam fontium partem, e quibus juris illius cognitio hauriri queat, Latine conscriptam esse, nemo facile non intelligit, in hoc studio aliquantum praesidii ex lingua Latina esse petendum. Attamen non omnes studium litterarum Romanarum tantum esse volunt, quantum res ipsa desiderare videtur. Dictitant enim quidam, juvenibus operam in jure Romano collocaturis jam sufficere ea, quae in Gymnasiis didicerint, nec opus esse post cursum Gymnasii rite absolutum renovato litterarum Romanarum studio, quippe quo aliis rebus necessariis tempus praeripiatur, eaque impediuntur ac negligantur, quae multo graviora sint. Sed qui tandem sunt homines, quibus tam facile satis-

fieri potest? Scilicet vel ii, qui in cognoscendo jure Romano non ipsos fontes adeunt, sed in libris subsidiariis, lingua vernacula conscriptis, omnem rem jam exhaustam esse putant, vel ii, qui, quid Gymnasiis propositum esse debeat, et quo fine ac consilio constituta sint, omnino non exploratum habent. At, ut de iis primum agamus, quos priores posuimus, est viri docti non rivulos consecrari, sed ipsos adire fontes, unde juris illius quasi flumina permanarunt. Quod si qui faciendum esse negant, ii non videntur reputasse, neglectis fontibus haud dubie futurum esse, ut flumina ista, quae iis plenissima videbantur, sensim paulatimque exarescant et stagnare incipiant. Atque num doctrinae laude, qua studiosorum ordo ornari solet, dignus habendus est, qui, spreto quaerendi et investigandi labore, in eo acquiescit, quod praesentis temporis utilitati inserviat, nec quidquam curat, num ea, quae ex subsidiis sibi propositis eliciat, etiam genuina sint, atque integra? Quid enim? Nonne novo quoque libro, qui in istius hominis manum incidit, maxima in animo ejus parabitur incertitudo, maximumque dubium? Nam magistrorum vestigiis adsuetus, nec ulla re nisi eorum libris libellisve imbutus, de omnibus, quae in illis non continentur, ambigat necesse est. Novae in dies oriuntur difficultates, cum in iis, quae didicerit, a viris doctis alia diverse explicari, alia plane rejici audiat. Non habet, quem sequatur, quia viam, qua incedere solebat, et quae ei antea rectissima videbatur, ita impeditam videt, ut in ea non velit continuare. Irreperit suspicio in virtutem disciplinae, quam a se in tanta sententiarum discrepantia non satis coli posse intelligat, dubiumque, continuo auctum, non depellitur nisi studio juris Romani plane abjecto.

Altero loco refutandum est iudicium eorum, quibus doctrina, in Gymnasiis parata, jam sufficere videtur ad plenam juris Romani perceptionem. Qui si in Gymnasiis nostris litteras Latinas ita disci putant, ut adolescentulorum animi jam expleantur omni antiquitatis disciplina, profecto egregie falluntur. Nam cum omnes fere Gymnasiorum conditores sapientissime iudicarent, ad Gymnasia pertinere initia omnium disciplinarum, antiquitatisque

studia copulari oportere cum linguis recentioribus, historia, geographia, mathesi et praecipue cum excolenda patriae linguae facultate, fieri nullo modo potest, ut in tam magno diversissimarum disciplinarum ambitu singulae quaeque penitus ediscantur. Quid igitur mirum, quod in antiquitatis studia non aliquanto plus temporis operaeque impenditur quam in reliquis disciplinas, quibus animi juveniles imbui solent, quid quod cursus scholasticus ita comparatur, ut singulae disciplinae quodammodo aequo jure gaudeant? Quae Gymnasiorum descriptio, siquidem in iis fundamenta studiorum humanitatis jacienda, juvenesque ad altiores disciplinas praeparandi sunt, quo rectius se habet, eo minus expectandum est, in Gymnasiis singula jam posse absolvi. Sed egrediuntur adolescentuli ex Gymnasiorum carceribus ita instructi, ut in omnibus, quibus operam navarunt, disciplinis graviora saltem percepisse videantur, atque studia sua, ad peculiarem litterarum partem conversa, prospero successu continuare possint. At, inquirunt, si hic est status Gymnasiorum, nonne pueri, qui per septem Gymnasiorum classes litteris Latinis operam dederunt, tantam demum cum hac lingua contraxerint oportet familiaritatem, ut eam omnino teneant? quam, si tam longo temporis spatio non didicerint, profecto nunquam ab illis cognitum iri contendunt. In qua criminatione si quid inest veri, tamen hoc non tantum valet, ut cognitionem litterarum Romanarum, qualis in Gymnasiis paratur, juris studiosis jam sufficere putemus. Nam quamquam omnino non ignoramus, pueros juvenesque septenni illo studiorum cyclo aliquantum proficere, ac plurimos eorum eo procedere, ut praecipuorum scriptorum libros ipsi perlegerint probeque intellexerint, restant tamen alia, quae studiis serioribus reservata esse videntur. Quid vero mirum, quod pro veterum scriptorum multitudine in Gymnasiis ad ea in primis spectatur, quae, aetati juvenili accommodatiora, litterarum Romanarum elegantiam, splendorem, praestantiam ante oculos ponant? Delingunt igitur prae ceteris aureae aetatis, quam dicunt, auctores, qui excellent et puro candidoque dicendi genere, et argumentorum jucunditate, et sermonis perspicuitate. Accedit praeterea, quod in scriptorum numero prae-

valent ii, quorum libri cum aliis disciplinarum studiis vel quandam offerant cognationem, vel arctissime cum iis conjuncti sint. In his vero primum locum obtinet Cicero, qui, in omni dicendi genere facile princeps, summo jure dux habetur atque magister Latinorum Gymnasii studiorum. Nam quis est alius, qui apud Romanos tantum laudis, gloriae, celebritatis adeptus est, quantum Cicero? Itaque praesertim lectitatur in Gymnasiis, et ita lectitatur, ut in omnibus, quaecunque in linguae Latinae proprietate, in elocutionis elegantia, in verborum significatione, denique in omni re Musis Romanis peculiari animadvertenda esse videntur, continuo respiciatur ad Ciceronem, uberrimum illum et abundantissimum eloquentiae fontem. Sed non conque- scitur in solius Ciceronis studio atque cognitione; evolvuntur atque excuti- untur item historici Cornelius Nepos, Julius Caesar, Sallustius, Livius, ne- que negliguntur poetae Phaedrus, Ovidius, Virgilius, Horatius. At num ex horum scriptorum libris litterae Latinae jam probe cognosci possunt? Non crediderim. Nam etsi nemo facile negabit, in hunc scriptorum Latinorum delectum, quo arctioribus contineatur finibus, eo plus diligentiae, studii, fideique posse converti, multum tamen adest, ut lectio eorum jam constituat probam litterarum Romanarum cognitionem. Quam si quis sibi parare volu- erit, adeat necesse est etiam alios, qui nobis ex antiquitate relictis sunt, au- ctiores, ipseque cognoscat, quantum intersit inter optimos ac peiores Romano- rum scriptores. Etenim num qui eos solos legerit, quos, cum praestantissimi sint, in Gymnasiis pertractare solent, jam probe intelligit, quanto illi prae- stantiores ceteris habendi sint? Credere quidem poterit, scire non poterit. Cum igitur omnique, qui in re tam gravi suam ipsius sententiam ferre, quam judicio aliorum obnoxius esse maluerit, omnium temporum scriptores cognoscendi sint, tum juris studiosis non concedendum est, ut alios, inferio- res, e manibus excutere conentur. Illi vero iis non modo commendandi sunt, ut certum de optimis Romanorum libris judicium habeant, verum etiam, quod multo gravius est, propterea apud eos necesse est plurimum valeant, quod sibi eorum demum auxilio subtiliorem juris Romani cognitionem parare

posse videntur. Constat quidem inter omnes, jurisconsultos, quorum fra- gmenta in Pandectis supersint, etsi labente latinitate vixerint, tamen ex Mucii Scaevolae, Servi Sulpicii, Alfeni Vari aliorumque veterum libris, quos le- gendo contererent, et ex ipso Elicto perpetuo, quod memoria tenerent, talem orationis nitorem duxisse, ut a viris doctis in classicorum numerum referri soleant, sed nihilominus haud pauca in eorum scriptis inveniuntur, quae a sermonis sinceritate, qua veterum jurisconsultorum libri conspicui erant, valde recedant. Quomodo enim jurisconsulti recentiores antiquitatis ita studiosi esse potuerunt, ut a suae aetatis sermone tamquam spurio multisque maculis contaminato semper abstinuissent? Certum quidem est atque indubitatum, eos in plurimis legisse vestigia veterum, sed studio etsi acerrimo, haud ef- fectum est, ut scripta eorum erroribus careant, quibus aetas, qua vixerint, plus minusve laboravit. Quid enim? nonne opera eorum praesertim in eo posita erat, ut plane recteque intelligerentur ab aequalibus? Quod num alia ratione fieri poterat nisi admissa, quae obtinuit, singulorum verborum significatione? Atque fragmenta in Pandectis obvia hanc linguae Latinae commutationem perspicue testantur. Jam dudum igitur commonefacti sunt jurisconsulti, ut in omnium quaestionum tractatione exquisitam singulorum vocabulorum explicationem non tamquam humile quiddam et contemnedum praetermittant, sed Antistii Labeonis, jurisconsulti praeclarissimi, exemplum ante oculos habeant. Nam ut Gellius, in hoc viro nobilissimo, multisque virtutibus conspicuo, singulari laude persequitur, quod Latinarum vocum origines rationesque percalluisset, eaque praecipue scientia ad enodandos juris laqueos uteretur, sic jurisconsulti nostrae aetatis in primis animadvertant necesse est, ne verba veterum Romanorum, in Pandectis superstitia, false intelligant, neve significationem, a vera auctorum sententia quam maxime abhorrentem, illis obrudant. Quantum vero in hac re valeat recta verborum cognitio jam discimus ex Aristotele, qui, cum verba, inquit, sint eorum, quae animo concepimus, notae, fieri nullo modo potest, ut, qui vim verbo- rum non percipit, eam sententiam, quae illis verbis expressa est, assequatur.

Itaque et idem Aristoteles alibi ait, eos, qui, quid quoque verbo proprie indicetur, non satis intelligant, in rebus judicandis saepenumero falli, et apud Platonem Cratylus ex verborum intelligentia cognitionem rerum pendere dicit. Et quis tandem est, qui hac nostra aetate de re omni tempore indubitata dubitationem ullam poterit movere? At, inquit, cur non in Gymnasiis haec verborum intelligentia parari potest? cur praeceptores non statim ab initio puerorum animos ad mutatas verborum significationes advertere conantur? quid in iis, quae jam in Gymnasiis absolvi possunt, continuato litterarum Romanarum studio opus est? Quae qui objiciunt, ii perspicue produnt, se plane ignorare, quibus terminis Gymnasiorum studia circumscripta sint, et quid a praeceptoribus possit expectari. Nam cum supra monuimus, litteras Latinas in Gymnasiis nostris ita coli, ut in explicandis interpretandisque scriptoribus praesertim spectetur ad auream aetatem, et prae ceteris genus dicendi Ciceronianum accuratius cognoscatur, munus officiumque praeceptorum iis continetur finibus, ut animi juvenum in verborum explicatione praepararentur vel ad ea, quae ipsi ex libris in Gymnasio evolvendis cognoscere queant, vel quae ad optimam Latinorum scriptorum aetatem pertineant. Atque in iis jam tantum animadvertendum est, ut de fluctuanti singulorum verborum significatione vix uberius possit moneri. Adolescentes vero, quicumque operam dant vel philologiae, vel juri, vel alii denique studio, quod Latinarum litterarum auxilio eget, posterioris quoque aetatis libros diligentius pervolvent necesse est, ut inde verborum significationem paulatim immutatam, genusque dicendi ab antiquitate diversum melius cognoscant. Atque haec studiorum ratio cum omnibus profecto haud parvae sit utilitatis, tum maxime adjuvat jurisconsultos, qui, ita praeparati, in interpretandis Pandectarum libris multo certius ab omni errore prohibeantur. At ne haec quidem sufficiant, ut omnia, quae in corpore juris continentur, jam plana sint atque aperta. Praeterea opus est, ut accuratius cognoscantur instituta, mores, consuetudines, denique tota vita Romana, eaque non unius tantum aetatis, sed omnium imperii Romani temporum. Sed tam plena populi Romani

cognitio in Gymnasiis non potest parari. Nam etsi, et lectis optimorum scriptorum libris, et diligentius pertractata Romanorum historia, antiquitas Romana jam in Gymnasiis aliqua ratione percipitur, fieri tamen nullo modo potest, ut ea, quae opus est, scientia antiquitatum Romanarum tam facile cuiquam contingat.

Quae quum ita sint, prospere evenit, ut aetate nostra juvenes, juri operam daturi, post confectum Gymnasii cursum tum ad proprietatem rectumque usum verborum Latinorum explicandum, tum ad mores consuetudinesque populi Romani, ex quibus unis proprietates saepe intelligi potest, illustrandas animum et studium denuo converterint. In qua utraque re, ut cognitiones sibi necessarias facilius assequantur, philologi facem iis praeferre non dubitant, cum in scholis suis et ad rectam legitimamque vocabulorum significationem, et ad antiquitates Romanas subtilius investigandas continuo respiciant. Idem illi praeter libros in Gymnasiis nondum pertractatos, atque uberius commentariis a se ornatos, antiquitatibus Romanis scholas peculiare vindicare consueverunt. Quae studiorum ratio, in Universitatibus Russicis jam dudum obtinens, lege persapienti huic Lyceo quoque imposita est. Nam cum IMPERATOR noster Clementissimus tertio abhinc anno Lyceum nostrum nova studiorum formula ornare, in eodemque ordinem jurisconsultorum et mathematicorum constituere voluerit, tantum affuit, ut litterae Latinae ex hoc Lyceo expellerentur, ut eadem, primo loco positae, a juris studiosis accuratius pertractari juberentur. Quod quo jucundius nobis esse debebat, eo exoptatius accidit, ut coram vobis, Auditores amplissimi, fateri liceat, juvenes curae nostrae demandatos jamjam intellexisse, quantum utilitatis ex accurata litterarum Romanarum scientia afferatur juri Romano. Sunt enim plures, qui in recta et legitima vocabulorum, quorum usus in foro erat, explicatione operam denuo collocaverint, et in consuetudinibus moribusque populi Romani ita versati sint, ut locupletissimum latinitalis thesaurum subtilius explicare, ex eoque haud tenues fructus coacervare possint. Atque tanta quidem linguae antiquitatisque cognitione, ut ubique, ita in primis in Russia opus est,

ut ex tenebris, quibus multa adhuc obruta sunt, singula protrahantur, et ad leges patrias vel explicandas, vel adjuvandas, vel rectius cognoscendas diligentius adhibeantur. Quod si factum fuerit, spero fore, ut criticum jurisconsultorum studium etiam in patria nostra non modo corroboretur, verum etiam fructus laetissimos proferat. Quis igitur non jure laetatur, jam in plurimis imperii Russici Universitatibus ex mutuo juris Russici Romanique studio, et ex communi illa utriusque disciplinae conjunctione spem excitatam esse longe jucundissimam, cum seges illa juvenum doctiorum, per immensos imperii fines distributorum magis in dies magisque augeatur, ipsique jurisconsultorum ordini novam dignitatem atque praecipuam aestimationem conciliaverit. Quo indubitatus vero major illius ordinis dignatio ex Universitatibus Russicis incrementum ceperit, eo jucundius animum uniuscujusque nostrum afficiat necesse est, quod non iis solis nova patriae gloria conceditur. Etenim ex quo in hoc Lyceo nostro peculiaris jurisconsultorum ordo constitutus est, nobis quoque obvenit facultas patriam ornandi juvenibus, qui, doctrina acumineque instructi, jurisprudentiae Russicae totique jurisconsultorum ordini optimam aestimationem nomenque splendidum parare valeant. Atque hodie primum, triennio rite absoluto, primi ex hoc Lyceo procedunt in vitam publicam, eorumque plures, litteris omnibus imbutos, et professorum laudibus cumulatos, maximam a se conceptam expectationem haud falsuros esse spero atque confiteor.

Jam ad Te, Pater supreme, sapientissime omnium rerum auctor et gubernator, convertimus preces atque vota nostra, suppliciterque rogamus, ut in eadem, quam ingressi sunt, via tutissime progrediantur, totamque vitam, et ad patriae nostrae gloriam, et ad commilitonum, adhuc in hoc Musarum sacratio relictorum, aemulationem probe instituant. Commendamus vero praeter ceteris Tuo numini potentissimo IMPERATOREM nostrum Augustissimum, NICOLAUM PRIMUM, qui etsi per immensos imperii fines summa, ut par est, colitur pietate, tamen ob maximam beneficiorum copiam, ob praeclara munificentiae liberalitatisque documenta, quibus hoc Lyceum praesertim

ultimo tempore cumulare voluit, animos sibi nostros ita devinxit, ut profecto nemo nostrum patri patriae optimo piam gratamque venerationem denegare possit. Commendamus Ministrum eruditionis Illustrissimum, qui, bonarum litterarum grande praesidium, consilio, prudentia, cura vigiliisque omnia litterarum studia ita adjuvit, ut in patria sempiternam gloriam, apud externos tantae sapientiae, tantae industriae invidiam sibi paraverit. Commendamus denique Curatorem nostrum Clarissimum, qui continua vigilantia, haud vulgari circumspicione, singulari diligentia, felici consiliorum et rerum omnium successu tantam sui excitavit expectationem, quantam antea nemo. Itaque fac, Deus sapientissime, ut hoc Lyceum sub ejus patrocínio famam atque laudem suam magis magisque amplificet, ut omnis verae sapientiae sedes habeatur, atque universae patriae nostrae prosperrimos successus largiatur.

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ ІМ. П. П. МЕЧНИКОВА

О Б Ъ

ОТНОШЕНІИ РОССІИ КЪ ВОСТОКУ.

Р Ъ Ч Ъ,

произнесенная

ИСПРАВЛЯЮЩИМЪ ДОЛЖНОСТЬ ПРОФЕССОРА

В. ГРИГОРЬЕВЫМЪ.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ РОССІИ КЪ ВОСТОКУ.

Elle est entre les mains de l'Eternel une charrue avec laquelle il laboure les plaines immenses et inertes de l'Asie pour les rendre cultivables; elle est la voie, dont l'Etre Suprême appelle tant de tribus éparses à marcher dans le routes d'amélioration, à le reconnaître et à s'unir ainsi dans une seule religion en même temps spirituelle et sociale. (La Civilisation et la Russie, par le comte A. Gurovski).

ММ. ГГ.

Россію ожидаетъ будущность неизмѣримо великая, будущность, передъ которою цѣпенѣють разсчеты обыкновенной политики, разбиваются въ дребезги предвидѣнія земнаго ума, передъ которою наше прекрасное, нерѣдко страдальческое прошедшее, какъ ни велико оно — кажется малымъ! Народъ Русскій долго шелъ стезею, указанною ему Провидѣніемъ, не зная куда, не сознавая за чѣмъ идетъ, совершалъ то, что судьбы Всевышняго опредѣлили ему совершить, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣлахъ, не прорѣывая въ свое будущее; но пророческое предчувствіе этого лучезарнаго будущаго таилось всегда въ глубинѣ души Русской, выражаясь бессознательно какъ въ дѣйствіяхъ Правительства, такъ и въ характерѣ цѣлаго народа. Ему, этому тайному чувству грядущаго величія, обязаны мы тѣми особенными чертами нашего народнаго характера, тѣми его достоинствами, которыя вмѣняются намъ иными въ недостатокъ — нашею внѣшнею холодною къ родному минувшему, отсутствіемъ въ насъ хвастливости настоящимъ. Это оно сдѣлало насъ непричастными общему недостатку всѣхъ народовъ, мелочному патріотизму, столь раздражительному у нашихъ западныхъ сосѣдей. Когда вноземцы клеветуютъ на наше племя и нашъ народъ, ихъ вопли не возмущаютъ нашего чувства, и мы остаемся безмолвны, потому что презрѣніе — лучший отвѣтъ праваго на клевету, сильнаго на дерзость. Сознавая, хотя еще не ясно, что Провидѣніе назначило нашему народу во всемірной драмѣ

такую роль, какой не давало доселъ еще никому, мы, сильные этимъ со-знаніемъ, не кичимся прошлымъ и презираемъ настоящія обиды, наносимыя нашему патріотическому чувству, какъ юноша, въ воображеніи котораго развивается радужный свитокъ грядущаго, не хвалится мелочными подвигами дѣтства. Обращаться въ минувшее, дорожить воспоминаніями — это удѣлъ старости, удѣлъ народовъ отжившихъ свой вѣкъ, недовольныхъ, несчастливыхъ настоящимъ. Мы, которые только что начали жить, которыхъ настоящее такъ блистательно, у которыхъ такое неизмѣримо обильное будущее, мы ли будемъ хвалиться прошлымъ!

И это предчувствіе великаго будущаго — не обольстительная мечта, рожденная народнымъ самолюбіемъ, не успокоивающій бальзамъ для ранъ нашего честолюбія, не улыбка сквозь слезы. Мы не говоримъ объ немъ нашимъ клеветникамъ и завистникамъ, а оставляемъ говорить за насъ будущему, вѣруя, что оно не замедлитъ отвѣтомъ, и ожиданіе это не тщетно: на нашихъ глазахъ переходить это лучезарное будущее въ область дѣйствительности, оправдывая событіями вѣрность таинственныхъ предвѣщаній нашего чувства.

Довольно взглянуть только на ужасающее пространство земной поверхности, покрытое именемъ Россіи, чтобы дума о величій судьбъ ея невольно овладѣла мыслію. Два океана разбиваютъ волны свои о безконечное протяженіе береговъ великана и семь морей бушуютъ въ предѣлахъ его. Ни царство героя Македонскаго, ни Римъ въ цвѣтушія времена своего могущества, ни халифатъ въ веснѣ Аравійскаго разлива, не занимали никогда такого огромнаго пространства. Одна только имперія Монголовъ при первыхъ преемникахъ Чингиса могла сравниться обширностію съ нынѣшними владѣніями Русскими; за то, возникнувъ какъ бы чудомъ, почти изъ ничего, могущество Монголовъ и пало также скоро какъ быстро возросло. Россія, напротивъ, достигла до настоящей огромности постепенно, вѣками, и своими собственными силами, а не употребляя для покоренія однихъ народовъ оружіе и кровь другихъ, какъ дѣйствовала политика Монгольская. Не напрасно же Провидѣніе дало намъ такое широкое раздолье. На пространствахъ Россіи могли

бы поселиться всѣ народы міра, а оно усвоило его намъ, чтобы было гдѣ расходиться Русскою дѣятельности, было чѣмъ дохнуть широкой груди богатырской. Поставленные на рубежъ двухъ міровъ, охватывая половину того и другаго, самую судьбою суждены мы имѣть огромное вліяніе на ихъ участь. И кто же эти мы? — Сорокъ милліоновъ людей единокровныхъ, единопзычныхъ, единовѣрныхъ, проникаемыхъ и движимыхъ одинаково, какъ кольца электрической цѣпи, волею и мыслію Одного, въ лицъ котораго Творецъ даетъ намъ Отца, Вождя и Судію. Народы историческіе, замѣчательные судьбами своими, славные вліяніемъ на другихъ, были и суть болѣею частью агрегаты разнородныхъ племенъ, скрѣпленныхъ тверже или слабѣе перевѣсомъ и политикою одного изъ нихъ, сильнѣйшаго массою физической или развитіемъ духовныхъ способностей. И чѣмъ крѣпче была эта связь племенъ, чѣмъ болѣе преобладающій народъ умѣлъ слиться съ покоренными, тѣмъ существованіе его было долговѣчнѣе. Можно ли же послѣ этого думать, не оскорбляя законовъ разума, чтобы народъ столь сильный числомъ, столь безпримѣрный по единству духовному и матеріальному, и потому необходимо превосходящій всѣ другіе — не получилъ отъ Провидѣнія назначенія соответственнаго его силамъ, не былъ обреченъ имъ на совершеніе чего нибудь безпримѣрнаго въ исторіи!

Правда, долго было наше дѣтство, много вѣковъ тянулся періодъ младенческой жизни Россіи; но смѣю думать, это есть новое доказательство въ пользу великихъ судьбъ ея. Народу незначительному по роли, какую онъ долженъ былъ играть въ исторіи, Провидѣніе давало и существованіе политическое соответственное. Нашему народу суждено огромное вліяніе на міръ, роль блистательная въ драмѣ, разыгрываемой человечествомъ; потому намъ назначено и существованіе продолжительнѣйшее, потому и младенчество наше долженствовало длиться долѣе обыкновеннаго. Притомъ что же за дѣти были мы? Половина Европы служила намъ колыбелью, и на слабыхъ еще раменахъ мы сдержали всю тяжесть Монгольскихъ силъ, сокрушившихъ цѣлую Азію. Въ самыхъ дѣтскихъ дѣлахъ Русскаго народа видны уже его будущая!

мощь и судьба Геркулеса; каковы же должны быть наша юность, наша мужескій возраст! Первая давно уже наступила и ознаменовала себя двумя явлениями, равных которымъ не находимъ въ исторіи другихъ народовъ: юность наша произвела Петра, затмившаго все, что люди называли до него великимъ на землѣ, — и раздавила Наполеона со всеми силами унижавшейся и раболѣпствовавшей предъ нимъ Европы. Вы ставите въ вину намъ наше продолжительное дѣтство, народы Запада; но кто знаетъ не для вашего ли же блага Провидѣніе хранило въ нашемъ народѣ и во всемъ племени Славянскомъ свѣжесть мысли, дѣвственность чувства и избытокъ силъ? Не для того ли, чтобы приливомъ ихъ оживотворить вашу дряхлость, дать новую пищу угасающему свѣтильнику вашего существованія? Какъ некогда, по волю Провидѣнія, вы сами служили орудіемъ его для возобновленія жизненности истощеннаго міра древности, такъ можетъ быть и нашему племени суждено подобное же назначеніе въ отношеніи къ вамъ. Ненаскоренимы, нестремимы впечатлѣнія дѣтства. Какъ у челоука взятаго отдѣльно, такъ и у цѣлыхъ народовъ, этими впечатлѣніями образуется ихъ будущій характеръ, определяется образъ ихъ дѣятельности при дальнѣйшемъ развитіи. Не вследствие ли этого закона Провидѣнію угодно было продлить періодъ нашей дѣтской жизни, чтобы основныя черты Русской національности: любовь къ родинѣ, единовластію и православной вѣрѣ врезались глубже въ нашу природу и могли потомъ уравновѣшивать въ нашемъ народѣ блистательную способность цѣлаго Славянскаго племени — обобщаться, принимать въ себя челоуческое; способность, дающую ему первое мѣсто между племенами земли, и указывающую на его высокое назначеніе въ чредѣ ихъ? Наконецъ не потому ли такъ долго мы были испытываемы бѣдствіями и съ Востока и съ Запада, что страданіе есть купель, въ которой необходимо должны очищаться высокіе избранники Неба для просвѣщенія и искупленія народовъ!

Какова же эта блистательная будущность Россіи? Что же положить народъ нашъ въ ту сокровищницу, куда принесли уже дары свои Евреи, Египтяне, Индійцы, Греція, Римъ, Галлы, Германцы?

Провидѣнію не угодно открывать судьбъ своихъ слабому разуму смертнаго, завѣса грядущаго непроницаема. Такъ, мы не можемъ знать его, но можемъ предполагать, можемъ возводить на треножникъ Пифіи исторію, вопрошать минувшее и настоящее, и изучая ихъ ходъ и сцѣпленіе, можемъ гадать о томъ, что ждетъ насъ впереди. Предоставляя другимъ определять степень и свойство Русскаго вліянія на Западъ, я представлю вамъ теперь, ММ. ГГ., только немногія соображенія о томъ, каковы были и могутъ быть отношенія Россіи къ Востоку.

Не знаю, можетъ-ли быть на землѣ высшее, благороднѣйшее призваніе для народа, для государства, какъ призваніе Россіи въ отношеніи къ племенамъ Азіи — сохранить ихъ, устроить и просвѣтить. Мы призваны сохранить существованіе этихъ народовъ и отъ разрушительнаго вліянія самой природы, голода, холода, болѣзней, которыя нередко производятъ между ними жестокія опустошенія, по ихъ безопасности, непредусмотрительности, незнанію или неизмѣнню средствъ противоудѣствовать этимъ бичамъ младенчествующаго челоука, и отъ губельныхъ слѣдствій ихъ общественнаго неустройства, кровавыхъ войнъ внѣшнихъ и раздоровъ и междоусобій внутреннихъ; сохранить, познакомивъ съ удобствами образованной жизни, съ тѣми открытіями и изобрѣтеніями ума, посредствомъ которыхъ челоукъ сдѣлался во многихъ случаяхъ властелиномъ природы; сохранить, примиривъ ихъ наследственные вражды, прекративъ владычество дикаго буйства, защитивъ слабого отъ притѣсненій сильнаго. Мы призваны устроить эти народы, научивъ грубыхъ дѣтей лѣсовъ и пустынь признавать благотворную власть закона, цѣнить гражданственность выше приманокъ своевольной свободы; устроить, открывъ новые источники матеріальнаго благоденствія, ожививъ ихъ производительную дѣятельность, познакомивъ съ новыми нуждами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ средствами удовлетворить ихъ. Мы призваны просвѣтить религією и наукою эти племена, изъ которыхъ многія блуждаютъ доселѣ во мракѣ невежества и суевѣрій самыхъ глубокихъ; просвѣтить, усвоивъ имъ лучшія, вѣрнѣйшія понятія о Творцѣ, природѣ и челоуцкѣ. Можетъ

быть не на всю Азію суждено намъ пролить эти блага, и не въ равной мѣрѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что Россія призвана воспитать или перевоспитать, возродить или переродить большую часть народовъ этой части свѣта, подвластныхъ уже ей или сосѣдственныхъ, передать имъ все, чѣмъ благоденствуетъ и возвеличивается сама, возвыситъ ихъ до себя, уподобитъ себѣ и слить въ одно великое, святое семейство!

И всѣмъ этимъ Азія обязана будетъ Русскимъ; иначе зачѣмъ же владѣемъ мы всѣмъ Сѣверомъ ея, зачѣмъ границы наши тянутся отъ Охотскаго моря до истоковъ Евфрата, зачѣмъ народы Азіи облюбили Россію своими гнѣздами? Кто ближе насъ къ Азіи, кто имѣетъ съ нею такую обширную площадь соприкосновенія? Тогда какъ другіе Европейцы должны переплывать моря и океаны, чтобы достигнуть только окраинъ азіатскаго материка и отдѣлены едва проходимыми цѣпами горъ и слоями многихъ другихъ народовъ отъ народонаселенія среднеазійскаго, мы можемъ имѣть съ нимъ всегда постоянное сообщеніе сухою, не выходя изъ предѣловъ своей земли. Чѣмъ болѣе взаимнаго средства и сближенія между народомъ дѣятелемъ и народомъ принимающимъ впечатлѣніе, тѣмъ вліяніе перваго будетъ дѣйствительнѣе, сильнѣе, плодотворнѣе. Какое же изъ племенъ Европейскихъ сохранило въ себѣ болѣе азіатскаго элемента, какъ не Славянское, позднѣйшее изъ оставившихъ общую прародину? Какой же народъ въ продолженіе историческаго существованія своего имѣлъ больше связей, знакомство съ Азіятцами старѣйшее, какъ не нашъ, съ незапамятныхъ временъ сосѣднѣйшій, воевавшій и торговавшій съ ними? Чье Европейское имя извѣстнѣе нашего въ лѣсахъ Сибирскихъ, въ пустыняхъ Монголіи, въ степяхъ Киргизскихъ, на берегахъ Арала и Каспія? Да, если наука и гражданственность Европы должны говорить съ Азіею устами котораго-нибудь изъ ея народовъ, такъ это конечно устами нашего. Ни въ чьихъ другихъ не будетъ просвѣщеніе понятнѣе, доступнѣе для Азіятца, ни на чей голось не найдется въ немъ отзыва скорѣе. Европа древняя и Христіанская, нѣсколько разъ приходила въ близкое соприкосновеніе съ Азіею; но вліяніе Европейцевъ обращалось всегда только на переднюю ея часть и

никогда не проникало далеко вовнутрь. Индія подверглась власти и вліянію Британскому въ самыя недавнія времена. Сѣверъ же и центръ Азіи оставались постоянно недоступными для западныхъ Европейцевъ. Мы первые, мы одни приняли эти страны подъ крыло свое. Не очевидно ли, что Providentіе какъ будто нарочно хранило ихъ народонаселеніе отъ всякаго чуждаго вліянія, чтобы мы сами его дѣйствительнымъ и потому болѣе способнымъ, болѣе расположеннымъ къ принятію тѣхъ даровъ, которые несемъ мы ему!

Какъ свято и въ высочайшей степени христіанственно призваніе наше въ отношеніи къ Азіи, въ такой же мѣрѣ сообразными средствами должно оно и исполниться. Не насиліе, не кровопролитіе, не инквизицію употребимъ мы для достиженія указанной намъ цѣли. Проповѣдуя возрожденіе въ духѣ евангельскомъ, мы и средства для осуществленія его будемъ избирать кроткія, мирныя; вооружимся на святое дѣло не мечемъ и факеломъ, а снисходительностію и терпѣніемъ; будемъ распространять истины религіи путемъ убѣжденія, знакомить съ лучшимъ устройствомъ и управленіемъ общественнымъ понемногу, постепенно, давая время опыту доказать преимущество вводимыхъ улучшеній передъ существовавшимъ порядкомъ вещей. Знанія, науку, станемъ сообщать пріемами, сообразными съ умственными силами, съ духовнымъ развитіемъ, съ раждающимися потребностями народовъ, не въ чужихъ формахъ, какъ приняли ее сами, а стараясь, чтобы она проникала ихъ природу. Мы передадимъ Азіи только то, что Европа произвела хорошаго, переработавъ прежде Европейскую цивилизацію въ самихъ себѣ; короче, будемъ воспитывать Азію какъ свое родное дитя, вскормимъ собственною грудью какъ мать.

И эти утопическія понятія объ образованіи народовъ, по видимому неприложимыя даже на дѣлѣ, почерпнуты, ММ. ГГ., не изъ любви моея къ отечеству, не изъ пристрастія къ нашей народной славѣ. Это не плодъ воображенія, занесшагося за предѣлы дѣйствительности и возможности, не политическій миражъ, произведенный парами фантазіи; нѣтъ, понятія эти из-

влечены как теорія изъ фактовъ, какъ слѣдствія изъ исторіи нашихъ пріобрѣтеній въ Азіи, нашего управленія ея народами въ прошломъ и настоящемъ.

Съ XV вѣка начали западные Европейцы выселяться во все части свѣта; съ XV вѣка Западные государства заботились почти безпрерывно о пріобрѣтеніи владѣній, о заведеніи колоній въ Америкѣ и Азіи; но куда бы ни направляли путь ихъ флоты военные или торговые, всюду фаросомъ имъ служила преимущественно корысть. Правительства, компании, частные люди, все заботилось только о своихъ выгодахъ. Благо митрополіи было верховнымъ закономъ всехъ дѣйствій, всехъ поступковъ. Колоніи служили насосомъ для вытягиванія жизненности изъ людей и земли, и Европа богатѣла золотомъ, облитымъ кровью, а объ участи бѣдныхъ Негровъ и Индійцевъ изъясляли сожалѣніе, большею частію бесплодное, только немногіе друзья челоуѣчества. Самое религіозное обращеніе совершалось съ варварскою жестокостію; вѣсть мира и братолюбія проповѣдывали огнемъ и мечемъ. При такомъ образѣ дѣйствованія Европейцовъ, результатомъ его для занятыхъ ими странъ вышло то, что первоначальное населеніе ихъ либо истребилось вовсе, либо, потерявъ независимость, не получило въ замѣну ея никакихъ выгодъ гражданственности, которыми пользуются и тщеславятся его покорители.

Не такъ достались Россіи ея Азіятскія владѣнія, не такіе виды имѣла она на нихъ, не такъ управляло ими наше Правительство, потому не таковы и слѣдствія нашего управленія. Большая часть Азіятскихъ народовъ и народцевъ, живущихъ теперь подъ скиптромъ Русскаго Царя отъ Берингова пролива до Чернаго моря, сами просились къ намъ въ подданство, чтобы подъ властію нашихъ законовъ водворить у себя миръ и спокойствіе внутри, чтобы подъ эгидою нашего могущества пользоваться безопасностію извнѣ. Такимъ образомъ признали надъ собою владычество Россіи многіе изъ Сибирскихъ народцевъ, Киргизъ-Казакъ и Калмыки. Грузія, утѣсняемая, разоряемая, съ XVI вѣка много разъ прибѣгала подъ покровительство Русскихъ, прежде чѣмъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія слялась съ ними въ одно неразрывное цѣлое. Переселеніе въ Закавказье до 150,000 Армянъ совершилось

на нашихъ глазахъ. Остальныя владѣнія въ Азіи, хотя достались намъ не съ добровольнаго согласія ихъ обитателей, и пріобрѣтены силою оружія; но актъ завоеванія не сопровождался никогда сценами кровопролитія и варварской жестокости, какія обезславили завоевателей Америки. Ни однимъ безчеловѣчнымъ поступкомъ съ туземцами не запятана исторія полуторастолѣтняго водворенія нашего въ Сибири, хотя малое число Русскихъ дѣлало опаснымъ вначалѣ пребываніе ихъ между едва покоренными или независимыми еще народами и, казалось, требовало замѣнить силу страхомъ жестокости побѣдителей. Ханства Казанское и Астраханское, а наконецъ и Крымское пали подъ ударами Русскихъ; но не требовало ли этого спокойствіе Россіи, самая безопасность ея существованія? Не безпрерывно ли вторгались Татары въ наши предѣлы, опустошая землю Русскую огнемъ и мечемъ, уводя въ неволю десятки тысячъ женщинъ и дѣтей. Покуда эти разбойничьи владѣнія существовали такъ близко отъ беззащитныхъ границъ Россіи, обитатели ея не могли вздохнуть свободно, и каждый годъ оплакивали потерю достоянія и близкихъ сердцу. И чтоже, покоривши Татаръ развѣ отмщали мы имъ за вѣковое зло, которое они намъ дѣлали? Нѣтъ, мы тотчасъ же забыли вражду, признали въ покоренныхъ не рабовъ а братьевъ, и попеченія Правительства распространились на нихъ столько же какъ на природныхъ Русскихъ. Тѣми же правами пользуются они какъ и побѣдители. Царевичи ихъ и Мурзы, переселяясь добровольно въ Россію, получали въ ней все преимущества нашихъ высшихъ классовъ и изъ теперешнихъ аристократическихъ фамилій Русскихъ, очень многія ведутъ родъ свой отъ этихъ Ордынскихъ выходцевъ. Такъ и вездѣ въ Азіи покоренные народы ея были въ глазахъ нашихъ не рабами на службу Россіи, а братьями нашими, о благосостояніи которыхъ мы должны заботиться какъ о своемъ собственномъ. По понятіямъ народа и Правительства, побѣда нигдѣ не проводила черты жестокаго раздѣла между побѣдителями и побѣжденными, а служила напротивъ къ ближайшему соединенію ихъ. Наканунѣ враги, на другой день побѣдители обращались въ благодѣтелей побѣжденных. Терпѣніе и кротость истинно христіанскія, об-

наруживало Правительство наше даже въ тѣхъ случаяхъ, когда незнаніе собственныхъ выгодъ, или страсть къ своеволію и хищенію, укорененная въ кочевыхъ Азіятцахъ въками дикой жизни, заставляли ихъ нарушать клятвенно обѣщанную намъ вѣрность, переходить назначенныя имъ границы и полонить мирныхъ земледѣльцевъ и купеческіе караваны. История Башкировъ, Киргизъ-Казаконъ, Калмыковъ, со времени поступленія ихъ въ подданство Россіи, представляетъ непрерывный рядъ благодѣяній, которыми платило имъ наше Правительство за ихъ нарушенія присяги, и только немногія мѣры строгости, употребленныя когда увѣщанія кроткія и средства миролюбивыя оказывались вовсе не дѣйствительными.

Народы Азіи, которыхъ Провидѣніе поручило попеченію Россіи, стояли на разныхъ степеняхъ гражданственности. Однихъ мы нашли совершенными дикарями, не имѣвшими никакого понятія о томъ, что существовало въ лѣсовѣ и тундрѣ ихъ родины, съ нѣсколькими суевѣрными обрядами вмѣсто религіи, съ нѣсколькими обычаями вмѣсто законовъ. Такова была бѣльшая часть народовъ Сибирскихъ. Другіе, какъ Татары, Калмыки, Буряты, Киргизъ-Казаконъ, были уже знакомы нѣсколько съ осѣдлою жизнію, законами, письменностію, исповѣдывали какую-либо религію, имѣли сношенія политическія и торговыя. Третьи, какъ обитатели Закавказья, Грузины и Армяне были давно уже просвѣщены ученіемъ Спасителя, имѣли литературу. Принимая въ великое семейство Русское всѣ эти народы, различныя происхожденіемъ, вѣрою, характеромъ, привычками, Правительство наше, для устройства ихъ благосостоянія, употребляло не одни и тѣ-же средства. Ни когда не требовало оно, чтобы Азіятцы стали прямо на ту высоту, на которой находились мы сами, никогда не принуждало ихъ къ насильственной и немедленной покорности законамъ и порядку, которые хороши были для Русскихъ, но чужды, но слишкомъ идеальны для этихъ народовъ; напротивъ того съ безпримѣрною снисходительностію примѣнялось къ ихъ состоянію, изучало ихъ средства, нужды, права, понятія, для того чтобы дѣйствовать на каждый изъ нихъ сообразно со степенью его готовности и спо-

собности къ воспріятію нашего благодѣтельнаго вліянія. Первымъ правиломъ Русскаго управленія было избѣгать крутыхъ переломовъ, знакомить съ лучшимъ порядкомъ вещей исподволь, постепенно. Новыхъ подданныхъ оставляли управляться ихъ собственными начальниками, по ихъ собственнымъ законамъ; но поведеніе и поступки ихъ подчиняли надзору Русскихъ чиновниковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ обязаны были печься и обо всѣхъ нуждахъ ихъ. Въ предупреденіе же притѣсеній, которыя могли дѣлать эти чиновники, недовольнымъ предоставлялось право жаловаться на нихъ высшимъ правительственнымъ властямъ и даже прямо самому Императору. Законы отмѣняемы были только такіе, отъ которыхъ страдало человечество. Такимъ образомъ уничтожаемо было вездѣ рабство и торговля людьми, обуздано своеволіе и самоуправство высшихъ классовъ, произвольные и неумѣренные поборы ихъ съ низшихъ уменьшены и замѣнены постоянными податями. Азіятцамъ оставляли даже ихъ собственный судъ и расправу, съ тѣмъ ограниченіемъ только, что во многихъ мѣстахъ половинное число судей назначали изъ Русскихъ, и въ процессахъ гражданскихъ на значительную сумму предоставляли считающимъ себя обиженными рѣшеніемъ собственного суда, право апелляціи въ высшія судебныя инстанціи наши, гдѣ дѣла ихъ разбираются и судятся уже по Русскимъ законамъ, а уголовныя вовсе устраняли изъ подъ ихъ юрисдикціи. Та же кротость обнаруживалась въ дѣйствіяхъ нашего Правительства и въ религіозномъ отношеніи. Всѣ народы живущіе подъ кровомъ его, Язычники, Магометане или Буддисты пользуются совершенно одинаковыми правами съ Христіанами и полною свободою въ роисповѣданіи. Отличаясь вѣротерпимостію, Православная Церковь, въ стремленіи своемъ къ обращенію заблудшихъ на путь истинный, не употребляла никогда насильственныхъ мѣръ, не воздвигала говеній на слѣпотствующихъ. Вѣруя твердо, что истина восторжествуетъ со временемъ сама собою, но что она же, навязанная силою и потому исповѣдуемая притворно, не будетъ имѣть никакого благодѣтельнаго вліянія, Церковь наша никогда не заимствовала у свѣтской власти матеріальнаго оружія для достиженія святыхъ цѣлей

своих; за то благоговѣя передъ святостію ея и свѣтская власть не позволяла себѣ мысли употребить религію орудіемъ для достиженія политическихъ видовъ; не принуждая никого къ принятію Христіанства, Церковь и не отказывала также никому желавшему крещенія, и не требовала за это ничего для себя. Чуждое ригоризма проповѣдниковъ другихъ Христіанскихъ исповѣданій, духовенство наше не употребляетъ противъ новообращенныхъ ни какихъ наказаній, ни какихъ мѣръ строгости, если они по незнанію нарушаютъ или не исполняютъ какихъ-либо обрядовъ или установленій церковныхъ; да кромѣ того это воспрещено и закономъ. Духовенству-же предписывается преимущественно стараніе и объ умственномъ образованіи новообращенныхъ. Оно, равно какъ и свѣтскія власти, обязано содѣйствовать всеми мѣрами основанію училищъ. Для дальнѣйшаго образованія азіятцамъ открыты все наши учебныя заведенія. Въ отношеніи къ матеріальнымъ выгодамъ, Правительство наше никогда не имѣло въ виду пріобрѣтенія ихъ или пользованія ими во вредъ туземцамъ. Покоряя народы, мы не лишали ихъ достоянія, не дѣлали изъ нихъ рабочей машины. Въ Сибирскихъ горахъ мы открыли рудники, богатые не менѣ Мексиканскихъ, но это открытіе не подвергло первобытныхъ обитателей ихъ одинаковой судьбѣ съ Американцами. Азіятскіе подданные Россіи обложены только маловажною податью, сообразною ихъ средствамъ и образу жизни, могутъ заниматься какими хотятъ ремеслами и торговлею всякаго рода какъ въ своей землѣ такъ и на всемъ пространствѣ имперіи. Если земли ихъ представляютъ какія-либо мѣстныя выгоды, Правительство не старается воспользоваться ими для себя, не отдаетъ ихъ какой нибудь исключительной компаніи, но дѣлаетъ общимъ достояніемъ желающихъ трудиться и поощряетъ туземцевъ всеми средствами увеличивать ихъ ремесленную, промышленную и торговую дѣятельность. Если иногда частные люди, увлекаясь корыстолюбіемъ позволяли себѣ поступать съ туземцами противно намѣреніямъ Правительства и духу цѣлаго народа, этого нельзя ставить въ вину ни народу, ни Правительству; притомъ подобные случаи бывали у насъ рѣдки; столько-же какъ про-

блески челоуколюбія и самоотверженія въ земляхъ покоренныхъ другими народами, и Правительство наше немедленно принимало мѣры къ искорененію злоупотребленій, только что узнавало объ нихъ. Такъ торговцы наши воспользовались было пристрастіемъ азіятцевъ къ крѣпкимъ напиткамъ, чтобы выманить у нихъ за дешевую цѣну ихъ стада, мѣха и кожи, — и Правительство запретило продажу имъ этихъ напитков*. Такъ, пользуясь неужествомя Баширцовъ разные спекуляторы покупали у нихъ за дешевую цѣну принадлежащія имъ земли, богатая рудами и плодородіемъ почвы, лишали такимъ образомъ бѣдный народъ выгодъ, предоставленныхъ ему самою судьбою, и доводили до возмущенія. Правительство уничтожило законность такихъ пріобрѣтеній, и, отобравъ земли, возвратило ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Когда голодъ заставлялъ Калмыковъ и Киргизовъ продавать Русскимъ собственныхъ детей, оно терпѣло это по необходимости, но потомъ велѣло возвратитъ имъ свободу, опредѣливъ за это владѣльцамъ приличное вознагражденіе, а впредъ запретило такого рода торгъ*. Мало того, что для благосостоянія нашихъ азіятскихъ владѣній, мы жертвуемъ собственными доходами, мы не щадимъ даже жизни для ихъ безопасности. Что значуть, напримѣръ, наши постоянныя войны съ Кавказскими горами? Какую матеріальную, положительную выгоду можетъ привести намъ покореніе ихъ бѣдныхъ горъ, въ которыхъ они сами едва находятъ довольно средствъ для существованія? Ясно, что не изъ властолюбія, не изъ страсти къ завоеваніямъ старается Правительство смирить эти народы, а потому, что дикая необузданность и постоянныя хищничества ихъ несовмѣстны съ спокойствіемъ и благосостояніемъ нашихъ владѣній по ту и по сю сторону Кавказа. Самой образъ войны нашей съ ними показываетъ уже, что Правительство стремится только отнять у нихъ средство вредитъ намъ и народамъ, прибѣгнувшимъ подъ наше покровительство. Грома жилища хищниковъ, не испытываемъ ли

* Постановление 1822 г. Іюня 22.

** Указъ Мал 30, 1822 г. и Окт. 8, 1825 года

мы въ тоже время средствъ краткихъ ; не беретъ ли Правительство у горскихъ князей юныхъ аманатовъ и не даетъ ли имъ воспитаніе въ столицѣ, чтобы они ознакомились съ выгодами гражданской жизни подлѣ стѣнію законовъ ; узнали силы и намѣренія Россіи, и возвратясь на родину могли передать соотечественникамъ, какъ бесполезна и несправедлива борьба ихъ съ ея могуществомъ и благотворнымъ вліяніемъ? И въ этой борьбѣ, стоящей намъ столькихъ пожертвованій, мы не устаемъ прощать и миловать. Да, ММ. ГГ., трудно представить чтобы можно было дѣйствовать великодушнѣе и съ большимъ самоотверженіемъ чѣмъ наше Правительство, и это великодушіе и самопожертваніе есть лучшее свидѣтельство того, что мы дѣйствуемъ какъ орудіе Неба. За то и сравнивая результатъ нашего владычества въ Азіи съ результатами владычества западныхъ Европейскихъ державъ въ разныхъ странахъ разныхъ частей свѣта, мы находимъ ихъ совершенно различными. Какъ послѣдніе горестны, такъ первые утѣшительны. Тогда какъ туземцы Американскіе истреблялись и истребляются цѣлыми племенами, ни одинъ изъ самыхъ малочисленныхъ Сибирскихъ народцевъ не исчезъ съ лица земли со времени поселенія между ними Русскихъ. Жестокость климата, безплодіе почвы и вообще препятствія естественныя не позволяютъ бѣднымъ туземцамъ Сибири, и не позволяютъ еще нѣсколько вѣковъ сдѣлать большихъ успѣховъ въ гражданственности; но сближеніе съ Русскими во всякомъ случаѣ много улучшило ихъ состояніе. Оно познакомило ихъ съ разными удобствами жизни, о которыхъ они прежде не имѣли и понятія, спасало и спасаетъ ихъ отъ голода, поддерживаетъ каждый колеблющійся шагъ ихъ на пути къ улучшенію матеріальному и духовному. Построенные Русскими города служатъ для нихъ источниками помощи и просвѣщенія, образцами, до высоты которыхъ стремятся они достигнуть. Многіе изъ скитальцевъ — охотниковъ промѣняли невѣрную прибыль этого промысла на болѣе прочныя выгоды земледѣлія и осѣдой жизни. Многіе просвѣтились уже Христіанствомъ. Якуты заводятъ училища, шлютъ дѣтей за наукою въ Казанскій Университетъ. Въ степяхъ Киргизъ-Казачьихъ вліяніемъ Россіи прекращаются по немногу междуусобія

и баранты, народъ богатѣетъ и увеличивается числомъ. Каймыки живутъ спокойно на отведенныхъ имъ земляхъ, а сосѣди ихъ Ногайцы изъ дикихъ разбойниковъ обратились совершенно въ мирныхъ гражданъ. Крымъ, на вашихъ глазахъ Мм. Гг., подвергся совершенному перерожденію: изъ бѣднаго края преобразовался въ богатѣйшую страну въ цѣломъ нашемъ отечествѣ. Закавказье также совершенно измѣнилось въ продолженіе владычества Русскихъ. Персія и Турція перестали считать его беззащитною добычею для себя. Тамъ, гдѣ прежде безпрепятственно рыскали хищники, грабя и уводя въ неволю мирныхъ жителей, гдѣ бѣдный земледѣлецъ стекалъ подлѣ тяжестью произвольныхъ поборовъ, не находилъ ни суда ни управы на своего деспота-владѣльца, тамъ теперь спокойно странствуютъ путешественники, граждане пользуются лично неприкосновенностію и правомъ собственности, правосудіе оказывается каждому на основаніи законовъ. Плодъ невѣжества и корыстолюбія прежнихъ владѣльцевъ, отяготительныя пошлины, парализовавшія развитіе внутренней торговли, отмѣнены; между рабовъ и вассалиновъ возникъ средній классъ гражданъ; основаніемъ многихъ училищъ открыты пути къ образованію. Прежній, гибельный порядокъ вещей исчезаетъ, все перерождается, измѣняется къ лучшему.

Таковы слѣдствія Русскаго управленія Азіятцами. Даже изъ краткаго очерка сего, представленнаго мною хотя въ самыхъ слабыхъ и неясныхъ чертахъ, можно видѣть, что надежды на будущность, ожидающую Азію подлѣ вліяніемъ Русскаго народа, основываются на положительныхъ данныхъ, на фактахъ, которые могутъ быть повѣрены каждымъ. Болѣе двухъ вѣковъ вѣнценосцы наши дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же духѣ, руководствуются одними и тѣми же правилами чистѣйшей филантропіи. Въ настоящемъ царствованіи они имѣли болѣе чѣмъ когда либо приложеніе къ Азіи и увѣнчиваются самымъ вожделеннымъ успѣхомъ. При этомъ постоянствѣ мы въ правѣ надѣяться въ будущемъ результатовъ еще болѣе обширныхъ. И такъ намъ остается только молить Творца, да продлитъ Онъ дни НИКОЛАЯ и да

процвететъ изъ вѣка въ вѣкъ родъ его , создавшій и возвращающій величіе Россіи и благоденствіе подвластныхъ ей народовъ.

Изъ сказаннаго, ММ. ГГ., можно видѣть также, какъ важно для Россіи, какъ необходимо ближайшее знакомство съ языками , литературою, исторіею азіатскихъ народовъ. Отдадимъ же должную дань благодарности отечественнымъ саовникамъ , покровительствующимъ распространенію этихъ знаній , и въ особенности тому государственному мужу, которому НИКОЛАЙ поручилъ попеченіе о просвѣщеніи своего народа , который первый въ Россіи понялъ ея значеніе въ отношеніи къ востоку , и которому мы одолжены почти всѣми успѣхами нашими на поприщѣ ориентализма.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

0

СОСТОЯНІИ И ДѢЙСТВІЯХЪ РИШЕЛЬЕВСКАГО ЛИЦЕЯ,

съ 20 Іюня 1839, по 20 Іюня 1840 года.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

ММ. ГГ.

Оканчивая нынѣшнимъ торжественнымъ собраніемъ третій (1839—1840) годъ своего возрожденія по Уставу 1837 года, Ришельевскій Лицей имѣетъ честь представить благосклонному вниманію вашему, Милостивые Государи, краткій обзоръ своихъ дѣйствій и положенія въ этомъ году.

Уже въ двухъ предшествовавшихъ годахъ почти всѣ части Лицея получили полный составъ и образованіе, надлежащее направленіе и стройный ходъ: оставалось только продолжать, поддерживать единожды установленное и утвержденное, наблюдать за непрерывнымъ теченіемъ начатаго, за отдаленіемъ всѣхъ встрѣчающихся или предусматриваемыхъ препятствій, дабы тѣмъ вѣрнѣе и успѣшнее достигнуть цѣли, новымъ образованіемъ Лицея предназначенной. Это и составляло главнѣйшую заботливость Лицейскаго Начальства въ теченіе оканчивающагося академическаго года, и произведенные предъ симъ строгіе экзамены студентовъ, по всѣмъ предметамъ преподаванія, показали, что труды его не остались безъ вознагражденія.

Въ составѣ преподавателей и чиновниковъ Лицея произошли слѣдующія измѣненія. Исходатайствовано чрезъ высшее начальство Высочайшее разрѣшеніе на опредѣленіе при Лицеѣ особаго Лектора Нѣмецкаго Языка, въ окончательномъ преподаваніи котораго, какъ классическаго по своей литературѣ и множеству образцовыхъ твореній, надобность частъ отъ часу становилась ошутительнѣе: должность сія поручена учителю этого Языка при Гимназій Титулярному Совѣтнику Эртелю. На вакантныя мѣста опредѣлены: Коллежскій Ассессоръ Флоренсовъ — Помощникомъ Инспектора Лицея; Кандидатъ Карлъ Цинъ — исправляющимъ должность Профессора Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства; Магистръ Владиміръ Линовскій — Адъюнктомъ, съ порученіемъ ему каедры Практическаго Судопроизводства; Магистръ Владиміръ Петровскій — исправляющимъ должность Адъюнкта съ порученіемъ преподаванія прикладной Математики; дворянинъ Грамматиковъ — исправляющимъ должность младшаго Учителя Восточныхъ Языковъ и Надзирателя за воспитанниками Восточнаго Института. Сверхъ того, для содержанія въ порядкѣ Физическаго Кабинета при Лицеѣ и исправленія Кабинетовъ по Гимназіямъ Округа, опредѣленъ особій Механикъ, и на эту ваканцію вызванъ состоявшій въ сей же должности при Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ иностранецъ Эдуардъ Фалькъ.

Въ самомъ преподаваніи были слѣдующія перемѣны: Профессоръ Нордманъ, по возвращеніи своемъ изъ за границы, занялъ каедру Естественныхъ Наукъ, которая, по случаю его отбытія, временно поручена была Инспектору Казенныхъ Училищъ Дымчевичу; преподаваніе Чистой и Прикладной Математики раздѣлено, съ нынѣшняго года, между Профессоромъ Г. Бруномъ и исправляющимъ должность Адъюнкта Петровскимъ; за отсутствіемъ исправляющихъ должность Адъюнкта

Соловьева и Коробкина, Энциклопедію Правовѣдѣнія временно преподавалъ Адъюнктъ Пахманъ и Русское Право — Адъюнктъ Линовскій.

Предъ начатіемъ учебнаго года, всѣ преподаватели Лицея, по предложенію господина Попечителя, составили въ болѣе подробномъ и полномъ видѣ конспекты преподаваемыхъ ими наукъ, которыя потомъ рассмотрѣли въ общемъ Собраніи Совѣта, обращая главное вниманіе на общую связь, параллелизмъ и постепенность всего Лицейскаго преподаванія. Кромѣ того Члены Лицея въ истекшемъ году занимались и другими учеными и литературными трудами. И нынѣ, какъ и въ прошломъ году, Его Превосходительство Господинъ Попечитель собственнымъ примѣромъ и трудами побуждалъ всѣхъ къ ученой дѣятельности. Съ цѣлью составить капиталъ для вспоможенія бѣднѣйшимъ ученикамъ Одесскаго Округа изданы были въ истекшемъ году: Новороссійскій Календарь и Одесскій Альманахъ, въ которыхъ Члены Лицея принимали дѣятельное участіе. Въ Новороссійскомъ Календарѣ помѣщены статьи Профессоровъ Мурзакевича, Ф. Бруна и Левтеропуло. Въ Одесскомъ Альманахѣ находятся между прочимъ статьи Инспектора Де-Ларю, Инспектора казенныхъ училищъ Дымчевича и исправляющаго должность Профессора Григорьева. Профессоръ Естественной Исторіи Александръ Нордманъ имѣлъ ученныя сношенія съ Императорскою Академіею Наукъ въ С. Петербургѣ, и по случаю нахождения за границею, съ Королевскимъ Французскимъ Институтомъ, по отдѣленію Academie des sciences, и съ Обществами Société de Geographie; Société Philomathique, Société Cuvierienne, Société des sciences naturelles des departem. Seine et Oise, что въ Версали; приготовилъ къ изданію два тома *Observations sur la Faune Pontique* со 160-ю рисунками, и одинъ томъ къ новому изданію Ламарка: *Histoire naturelle des animaux sans vertebres*, заключающій въ себѣ *Animalia Entozoa*; печаталъ отдѣльныя статьи по части пре-

подаваемой имъ науки: въ *Бюллетень Академіи Наукъ* въ С. Петербургѣ, въ *Annales des sciences naturelles* въ Парижѣ, въ *Archiv für Anatomie und Physiologie von Müller* въ Берлинѣ, въ *Archiv für Naturgeschichte von Wiegmann* въ Берлинѣ; читалъ въ засѣданіяхъ Французскаго Института въ Парижѣ *Recherches microscopiques sur l'Anatomie et développement du Tendra zostericola* (новый родъ полиповъ изъ Чернаго моря); *Observations sur les metamorphoses des Campanulaires*; сверхъ того предпринималъ вмѣстѣ съ французскимъ академикомъ Милнъ-Эдварсомъ путешествіе къ Норманскимъ берегамъ для изслѣдованія и сравненія животныхъ Атлантическаго Океана съ животными Чернаго моря: ученый отчетъ о результатахъ сего путешествія, въ непродолжительномъ времени, будетъ представленъ Господину Президенту Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ. Профессоръ Левтеропуло напечаталъ *Ариѳметику*, составляющую первую часть его *Курса Чистой Математики*. Профессоры Павловскій, Г. Брунъ и Михневичъ написали рѣчи, первый: «о необходимости, какую чувствовалъ въ откровенной Религіи Греко-Римскій міръ», второй: «объ исчисленіи вѣроятностей вообще и приложеніи онаго къ наблюденіямъ», третій: «объ успѣхахъ Греческихъ философовъ въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи». Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія трудами своими участвовали Профессоры Михневичъ и Мурзакевичъ и исправляющій должность Профессора Зеленецкій. Профессоръ Г. Брунъ напечаталъ въ *Bulletin scientifique, publié par l'Academie de St. Pétersbourg* статью: *Beitrag zur analytischen Geometrie*.

Труды и занятія членовъ Лицея удостоились въ прошедшемъ году вниманія попечительнаго Правительства. Профессоръ Нордманъ награжденъ орденомъ С. Анны 3 степени. За выслугу узаконенныхъ лѣтъ произведены въ чины: Статскаго Совѣтника—Профес-

соръ Симоновичъ; Надворнаго Совѣтника — Профессоръ Беккеръ; Коллежскаго Ассессора — Помощникъ Инспектора Флоренсовъ; Титулярнаго Совѣтника — Казначей и Экзекуторъ Лицея Ильченко. Докторъ при Лицеѣ Карузо получилъ знакъ отличія безпорочной службы за xxx лѣтъ; Адъюнктъ Мурзакевичъ, по представленію Начальства, утвержденъ сначала исправляющимъ должность Профессора, потомъ Профессоромъ; онъ же, кромѣ того, удостоился изъявленія Монаршаго благоволенія за успѣшный разборъ архива старыхъ дѣлъ въ Крѣпости Св. Дмитрія Ростовскаго. Адъюнктъ Левтеропуло утвержденъ Профессоромъ.

Ученыя средства и пособія Лицея въ прошедшемъ году получили значительное приращеніе.

Библіотека увеличилась приобрѣтеніемъ 442 названій книгъ, составляющихъ 1006 томовъ; въ ней считается теперь 8003 тома, составляющихъ 3446 названій. Въ Кабинетѣ для чтенія журналовъ, какъ и въ прошлыхъ годахъ, получалось до 40 періодическихъ изданій. Библіотекою, равно какъ и симъ кабинетомъ, завѣдываетъ Профессоръ Беккеръ.

Мишцъ-Кабинетъ увеличился 230 образцами медалей на славныхъ дѣла монарховъ и портретовъ Великихъ Князей, присланными въ Лицей Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Нынѣ весь этотъ кабинетъ считаетъ въ себѣ 1504 экземпляра, на сумму выше 4000 рублей.

Въ Физическомъ Кабинетѣ къ прежнимъ 183 инструментамъ (на сумму 16,241 р. 15 коп.) прибавилось 57, цѣною на 4163 рубля. Кабинетъ этотъ находится въ завѣдваніи Профессора Левтеропуло.

Химическая Лабораторія, до сихъ поръ несуществовавшая, получила теперь прочное основаніе приобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ снарядовъ и химическихъ препаратовъ на 2108 р. 60 коп. ассигнац.; сверхъ того она въ непродолжительномъ времени пополнится, по данному уже разрѣшенію Начальства, покупкою разныхъ принадлежностей еще на 7,685 рублей.

Въ Минералогическомъ Кабинетѣ находится 1817 штукъ цѣною на 5466 рублей. Въ Технологическомъ кабинетѣ 19 моделей. Въ Кабинетѣ по части Сельскаго Хозяйства 21 модель. Лабораторія и три эти Кабинета состоятъ подѣ въдѣніемъ Профессора Гассгагена.

Въ Зоологическомъ Кабинетѣ считается 5174 экземпляра. Въ Гербаріумѣ 14,150 экземпляровъ, на сумму 3,450 рублей, и 51 окаменѣлость. Кабинетомъ и Гербаріумомъ завѣдываетъ Профессоръ Нордманъ.

Переходимъ къ учащимся. Число студентовъ Лицея простиралась до пятидесяти двухъ. Изъ того числа въ Пансіонѣ Лицея было Студентовъ 12: казенныхъ 10, своекоштныхъ 2. Для поощренія Студентовъ Совѣтомъ Лицея на основаніи § 82 Устава заданы были двѣ темы: одна по предмету Римской словесности «quid est statuendum de vita scriptisque Cornelii Nepotis»; другая по Физикѣ «объ электричествѣ». За сочиненіе на первую изъ сихъ темъ удостоенъ золотой медали Студентъ 3 курса Поповъ; за сочиненіе на вторую золотой медали Студентъ 3 курса Пятишъ и серебряной Студентъ 3 курса Браславскій. Темами на будущій годъ назначаются по предмету Философіи: «о реформѣ, какую произвелъ Сократъ въ Философіи, — ея причинахъ и слѣдствіяхъ»; по предмету Римскаго права: «историческое развитіе Римскаго наследственнаго права».

Нынѣ, по окончаніи полнаго курса наукъ, предназначаются къ выпуску на основаніи Устава, Студенты Юридическаго Отдѣленія: Маркъ Рафаловичъ, Федоръ Сабанеевъ, Эммануилъ Алейниковъ, Александръ Поповъ, Константинъ Казимиръ, Николай Васильковскій, Петръ Яковлевъ и Николай Мейеръ, и Студенты Математическаго Отдѣленія: Федоръ Браславскій, Дмитрій Мутьевъ, Юсифъ Чернявскій и Карлъ Дидрихсъ.

Изъ втораго въ третій курсъ Юридическаго Отдѣленія переводятся студенты: Иванъ Танскій, Болеславъ Маркевичъ, Иванъ Храбро-Василевскій, Александръ Бачей, Карлъ Аржіо, Владиміръ Яковлевъ и Христофоръ Мутьевъ; и Математическаго Отдѣленія: Карлъ Апель.

Изъ перваго курса во второй Юридическаго Отдѣленія переводятся студенты: Александръ Великановъ, Константинъ Знаменскій, Павелъ Браславскій, Николай Палаузовъ, Николай Исаевъ, Графъ Семенъ Воронцовъ, Андрей Мошкаловъ и Александръ Домановскій; и Математическаго Отдѣленія: Григорій Черецъ, Дмитрій Каліо, Федоръ Ростовцевъ и Яковъ Бачей.

По окончаніи курса наукъ въ Гимназіи, состоящей при Лицеѣ, переведено въ студенты перваго курса обоихъ Отдѣленій учениковъ.

Изъ всего сказаннаго здѣсь вы, Мн. Гг. убѣдитесь изволите, что въ истекшемъ академическомъ году, подобно какъ и въ прошлыхъ, вся попечительность Начальства Рижскаго Лицея обращена была на то, что бы всѣми мѣрами стараться установить полное, правильное и сообразное съ современною степенью просвѣщенія преподаваніе, снабдить это высшее учебное заведеніе достойными преподавателями и обогатить его необходимыми по всѣмъ предметамъ пособіями, дабы такимъ образомъ доставить молодымъ людямъ, въ немъ обучающимся, всѣ способы къ совершенному образованію. Излишнимъ считаемъ присовокуплять здѣсь, что при самомъ преподаваніи во главу угла полагаемы были: ясное и чистое изученіе Святой Православной Вѣры, возбужденіе пламенной любви къ отечеству и внушеніе искреннѣйшей благодарности къ Августѣйшему Монарху, изливающему щедрою рукою благодѣянія на наше заведеніе, на нашъ край, на всю Россію.